

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И МИЛИЦИИ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ (1917—1934 гг.)

Аннотация. В статье проанализирована правоприменительная деятельность правоохранительных органов. Дана оценка результатов взаимодействия органов государственной безопасности и милиции в сфере обеспечения общественного порядка и борьбы с преступностью в 1917—1934 гг. Отражены основные формы взаимодействия, эффективность этой работы, в том числе и с отдельными видами преступлений. Показаны основные этапы реформирования этих органов, политизация их деятельности.

Ключевые слова: Народный комиссариат внутренних дел, Всероссийская чрезвычайная комиссия, Государственное политическое управление, уголовный розыск, общественный порядок, общественная безопасность, правопорядок, революция, гражданская война, суд, революционные трибуналы, уголовный кодекс, преступность, наказание, бандитизм, спекуляция, убийство.

DOI: 10.17803/1729-5920.2016.116.7.085-092

Роль органов внутренних дел и государственной безопасности в обеспечении правопорядка обуславливает необходимость изучения опыта работы, а также организации их взаимодействия в сфере обеспечения общественного порядка и борьбы с преступностью.

Россия конца XIX — начала XX в. характеризовалась относительно стабильным количеством и уровнем (в расчете на 100 тыс. человек населения) осужденных и зарегистрированных преступлений. Так, с 1886 по 1906 г. количество ежегодно осужденных колеблется в пределах от 91 тыс. до 120 тыс. чел., а уровень преступности в среднем составлял в 1874—1883 гг. — 177, в 1884—1893 гг. — 149. «Эхо революции 1905 г., поражения в войне с Японией и “революционной ситуации” начала XX в. отразились

в росте числа осужденных (с 1907 г. по 1912 г. ежегодно до 176 тыс. человек) и уровня зарегистрированных преступлений (1899—1905 гг. — 229, 1906—1913 гг. — свыше 270 ежегодно)»¹.

С началом Первой мировой войны криминальная обстановка в стране ухудшилась. Усилилась люмпенизация населения, что, несомненно, повлияло на рост преступности.

Еще больше она осложнилась после Октябрьской революции. Пришедшие к власти большевики реализовали свои программные установки о сломе старой управленческой машины. Полному уничтожению подверглись жандармерия, полиция, тюрьмы и суды. В истории страны был день, когда в тюрьмах не было ни одного человека. Выпущенные на волю уголовники принялись за грабежи и раз-

¹ Политический режим и преступность / под ред. В. Н. Бурлакова, Ю. Н. Волкова, В. П. Сальникова. СПб., 2001. С. 56.

бои. Насилие и вседозволенность, оправдаваемые революционными лозунгами, стали обычным явлением.

Пролетарская революция в России сопровождалась ликвидацией буржуазно-помещичьего уголовного законодательства и всей системы царской юстиции. Одновременно возникла задача организации борьбы с правонарушителями на новой классовой базе.

Оценивая нормотворческую деятельность государства в сфере борьбы с преступностью в первые годы советской власти, следует отметить, что первые законодательные акты принимались большевиками с целью привлечь к себе основные слои населения — солдат, крестьян, рабочих, национальные меньшинства и т.д.

Основным источником уголовного права в этот период являлись декреты Всероссийских съездов Советов, Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК), Совета народных комиссаров (СНК), Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК), приказы народных комиссариатов, акты местных Советов. К апрелю 1918 г. имелось уже 17 специальных уголовно-правовых декретов и 15 актов, определявших отдельные составы преступлений, а к концу июля 1918 г. — соответственно 40 и 69.

Законы, устанавливающие уголовную ответственность, принимались преимущественно в связи с конкретными политическими событиями и не были, как правило, рассчитаны на долгосрочное действие.

В первые годы советской власти органы ВЧК работали в тесном взаимодействии с органами внутренних дел. В Положении о ВЧК от 28 октября 1918 г. подчеркивалось, что ВЧК — орган Совнаркома и работает в тесном контакте с наркоматами внутренних дел и юстиции, которые взаимно делегируют друг другу своих представителей.

Взаимодействие милиции и ЧК определялось еще и тем, что деятельность милиции носила ярко выраженный классовый характер. В августе 1918 г. Главное управление милиции РСФСР направило в местные органы милиции директиву «О нейтрализме милиционеров», в которой подчеркивалось, что «милиция является органом советской рабоче-крестьянской власти, что она состоит на службе у рабочих и крестьян России и у их правительства». Поэтому «не может быть и речи ни о каком ней-

трализме, безразличии милиции по отношению к борьбе рабочего класса и беднейшего крестьянства со своими как внутренними, так и внешними врагами... На советской милиции как первейшая обязанность лежит охрана прав рабочего класса и беднейшего крестьянства»².

Органы ВЧК и милиции проводили большую работу по борьбе с контрреволюцией и преступностью, не делая больших различий между этими понятиями. Во-первых, преступность, как считалось, являлась порождением и неизменным спутником эксплуататорского общества, а борьба с эксплуататорами служит искоренению причин и условий преступности. Во-вторых, преступники, совершая преступления, зачастую прикрывали их политическими лозунгами о непризнании власти вообще и о свободе личности.

Первой крупной операцией, проведенной ВЧК совместно с милицией, явилась ликвидация весной 1918 г. банд анархистов. После прихода партии большевиков к власти анархисты захватили в Москве 25 особняков, превратив их в укрепленные базы своих отрядов. Анархисты, прикрываясь лозунгом борьбы с частной собственностью, занимались грабежами, угоняли машины, производили незаконные обыски. Московская милиция давала решительный отпор бандитским действиям анархистов. Так, в районе Мясницкой улицы отряд анархистов, пытавшийся реквизировать очередной дом, был разоружен и арестован прибывшим нарядом милиции. 15 марта 1918 г. при попытке ограбления частного дома и захвата автомобиля прибывшими по вызову милиционерами была разоружена и арестована банда из 8 анархистов.

Встречая организованное сопротивление, анархисты неоднократно пытались запугать милицию, заставить ее отступить. Дело дошло до того, что после ареста одного из вооруженных налетчиков отряд анархистов при поддержке броневика в течение ночи осаждал здание Совета милиции, пытаясь освободить арестанта. В этих условиях необходимы были решительные меры по ликвидации контрреволюционеров и уголовников.

11 апреля 1918 г. состоялось экстренное заседание ВЧК совместно с представителями Моссовета, всех районных Советов, уголовно-розыскной милиции и Красной гвардии.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф.393. Оп.3. Д.415. Л. 258.

Было решено в ночь на 12 апреля приступить к разоружению анархо-бандитских отрядов. Все особняки, занятые анархистами, были оцеплены, около 400 человек было разоружено и арестовано³.

Серьезную опасность представлял разгул бандитизма в стране. Все население призывалось к борьбе с бандитами, к оказанию помощи органам власти. Под руководством ВЧК местные органы милиции и ЧК провели ряд удачных операций по ликвидации бандитских групп.

Военная обстановка также требовала объединения сил ВЧК и милиции. Третья Всероссийская конференция чрезвычайных комиссий 3 июня 1919 г. приняла специальную резолюцию «О взаимоотношениях между местными чрезвычайными комиссиями и милицией»⁴. НКВД РСФСР 4 июня одобрил эту резолюцию. Она устанавливала порядок, согласно которому в коллегии губернских и уездных отделов управлений милиции вводились в качестве членов председатели местных ЧК. Одновременно членами коллегий местных ЧК (губернских и уездных, где такие существовали) становились заведующие губернскими или уездными управлениями милиции.

В целях укрепления аппаратов уголовного розыска местные ЧК выделяли в них из своего состава опытных сотрудников в качестве кандидатов на должности начальников уголовно-розыскных отделений. Кроме того, было установлено, чтобы наиболее опытные сотрудники ЧК вливались в органы уголовного розыска, «содействуя реорганизации этих учреждений и постепенно передавая в их ведение часть функций, лежащих ныне на ЧК в области борьбы со спекуляцией, должностными преступлениями и т. п.»⁵.

В июле 1919 г. произошло частичное объединение аппарата уголовного розыска и транспортных чрезвычайных комиссий. Сотрудники уголовного розыска, обслуживающие железные дороги и водные пути, откомандировывались в распоряжение и ведение участковых транспортных чрезвычайных комиссий. В от-

ношении откомандированных губернских уголовный розыск сохранял право их инструктирования по технике розыска и информации.

Включение сотрудников уголовного розыска в транспортные ЧК являлось мерой, усилившей борьбу с преступностью на транспорте. В октябре 1920 г. были созданы самостоятельные органы уголовного розыска на транспорте, организованные по линейному принципу. Однако организационная и оперативная связь органов уголовного розыска и транспортных отделов ЧК была сохранена. Транспортный отдел имел право наблюдать и контролировать деятельность органов уголовного розыска на местах. Последние также выполняли все связанные с оперативно-розыскными мероприятиями задания транспортных отделов ЧК, которые могли требовать отчеты о деятельности органов уголовного розыска в порядке наблюдения.

Еще одним шагом в укреплении контактов органов ЧК и милиции явилось слияние уездных ЧК с уездными управлениями милиции, произведенное в первой половине 1919 г. Организационной формой этого слияния стали политические бюро при уездных начальниках милиции, которые подчинялись ЧК и начальнику уездной милиции. В 1921 г. политические бюро перешли в непосредственное подчинение ЧК⁶.

По директиве, подписанной Ф. Э. Дзержинским, во главе политического бюро должны были стоять надежные коммунисты «не менее чем с двухгодичным партийным стажем». Необходимые кадры на местах должны были подбираться с помощью местных партийных организаций. Уездные начальники милиции с меньшим партийным стажем должны были представляться на утверждение Главного управления милиции с заключением местного комитета партии и губернской ЧК. Непосредственно заведовать политическим бюро должен был особый помощник начальника уездной милиции, тоже испытанный коммунист. Задачей политических бюро являлось пресечение преступлений, борьба с контрреволюцией, спекуляцией и т. д.

³ История московской милиции. Становление и развитие органов охраны общественного порядка в Москве с древности до наших дней / ГУВД г. Москвы. М., 2006. С. 96—97.

⁴ Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии 1917—1921 гг. : сборник документов. М., 1958. С. 293—294.

⁵ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 15. Д. 1а. Л. 87.

⁶ Государственная безопасность России: история и современность / под общ. ред. Р. Н. Байгузина. М., 2004. С. 374.

Борьбу со спекуляцией вели совместно органы ВЧК и милиция, которая наносила основной удар по спекулянтам зерном — мешочникам. Для борьбы с ними создавались специальные заградительные отряды из работников милиции. Железнодорожная милиция возвращала государству десятки и сотни пудов хлеба. Об этом свидетельствуют данные о количестве задержанных спекулянтов. Только за февраль 1920 г. работники железнодорожной милиции на территории 41 губернии РСФСР задержали около 11 тыс. спекулянтов-мешочников. В качестве примера можно привести совместную операцию, проведенную в январе 1920 г. отделом ЧК станции Пенза совместно с уголовным розыском, в результате которой была разоблачена группа спекулянтов, которая переправляла в вагонах продовольственные грузы в Москву, где продовольствие реализовывалось по крайне высоким спекулятивным ценам. Общая стоимость переправленных грузов достигла 5 млн руб. Спекулянты были арестованы и преданы суду⁷.

Более сложной является проблема участия милиции совместно с органами ВЧК в подавлении мятежей, вспыхивавших в губерниях. В советское время они однозначно оценивались как кулацкие выступления против советской власти. При внимательном анализе тем не менее очевидно, что в большинстве случаев выступления в той тяжелой, прежде всего в экономическом отношении, обстановке начинались стихийно, а поводом, как правило, служило, мягко говоря, некорректное поведение представителей власти. Об этом свидетельствуют документы Пензенского губернского ЧК, показывающие, что чаще всего «крестьянские восстания в губернии происходили вследствие непродуманных, а иногда и противозаконных действий конкретных представителей советской власти»⁸. В социальных конфликтах, как известно, недовольство чаще всего направляется против фигур знаковых, олицетворяющих власть, активных, принимающих действия от имени власти.

На всем протяжении периода военного коммунизма и последующего десятилетия милиция постоянно привлекалась к проведе-

нию всевозможных политико-экономических кампаний и прежде всего к хлебозаготовкам. Исследователи выделяют следующие меры, в реализации которых активно участвовала милиция: национализация промышленности, централизация руководства производством и распределением, продразверстка, запрет частной торговли, карточная система, всеобщая трудовая повинность.

Продразверстка была основной причиной (среди других налогов, натуральных и трудовых повинностей), вызывавшей крестьянские выступления, поэтому зачастую обе функции милиции — участие в хлебозаготовках и подавлении мятежей — выполнялись одновременно. Сложная социально-экономическая обстановка, несомненно оказывала негативное влияние на состояние преступности в стране. Несмотря на жесткие меры, принимаемые властными структурами, преступность росла.

Преступники шли на различные ухищрения, иногда действовали под видом сотрудников ЧК, милиции или красноармейцев. Так, 30 октября 1920 г. в г. Пензе в квартиру гражданина Ш. якобы для производства обыска явился неизвестный, назвавшийся сотрудником губернского ЧК. Совершив ограбление, он скрылся. Работник уголовного розыска по описанию его внешности, сделанному потерпевшим, задержал преступника, как оказалось, уже разыскивавшегося Уральским губернным ЧК. Видимо, подобные случаи вызвали к жизни приказ начальника губернского отделения уголовного розыска, в котором говорилось, что «командируемые по делам розыска агенты по прибытии на место командировки обязаны немедленно являться к начальнику местного отделения уголовного розыска для получения документов на право ведения розыска и обыска. Без соблюдения указанного порядка иногородний агент под страхом ответственности не имеет права производить обыск, дознание и розыск по делам его командировки»⁹.

Масштабная и сложная работа, проделанная чрезвычайными комиссиями и органами внутренних дел на завершающем этапе гражданской войны по борьбе с бандитизмом

⁷ История советской милиции / под ред. Н. А. Щелокова. М., 1977. Т. 1. С. 166.

⁸ Кондрашин В. В. Информационные материалы Пензенской губЧК о своей деятельности и положении в Пензенской губернии в годы гражданской войны // 80 лет от ВЧК до ФСБ. Пенза, 1998. С. 111—115.

⁹ Баранова Н. Б., Куличенко А. Н. Концепция создания и становления региональной милиции: 1917—1927 гг. Саратов, 2001. С. 46.

и другими видами преступлений позволила нормализовать обстановку в большинстве районов страны.

Весной 1921 г. на страницах советской печати развернулась дискуссия по вопросам соблюдения законности и применения внесудебных репрессий чрезвычайными комиссиями. Через год, в феврале 1922 г., была проведена серьезная реформа органов государственной безопасности, был снижен их статус, значительно сужены компетенция и право на проведение арестов, судебные полномочия переданы в систему ревтрибуналов. Но уже в марте последовали изъятия из общих правил. Постановлением Политбюро ЦК РКП (б) от 9 марта 1922 г. «О бандитизме» Государственному политическому управлению (ГПУ) были предоставлены полномочия по непосредственной расправе с лицами, уличенными в вооруженных ограблениях, уголовниками, рецидивистами, пойманными с оружием; ссылке в Архангельск и заключению в архангельский концентрационный лагерь подпольщиков, анархистов и левых эсеров, всех уголовников-рецидивистов. Кроме того, Дзержинскому было поручено принять меры к реорганизации уголовного розыска и милиции¹⁰.

Следует отметить, что в первой половине 1920-х гг. во время формирования советского уголовного законодательства господствовало снисходительное отношение к преступлениям. Такой «либерализм» был связан с марксистским взглядом на природу преступности, согласно которому главная причина преступности кроется в социальных условиях жизни общества, бедности, нищете и неграмотности большей части населения. Ликвидация этих «общественных язв» с точки зрения большевиков должна была уничтожить преступность, свести ее на нет. Практика показала, что этот взгляд оказался довольно далеким от реальности. Преступность не исчезла, а изменилась и приспособилась к новым условиям. Профессиональные уголовники не спешили «перековываться» и браться за общественно полезный труд. Наоборот, уголовный мир приобрел черты большей организованности.

Всплеск уголовных проявлений в годы нэпа показал советскому руководству недостаточность применяемых карательных мер. В 1920 гг.

наблюдается рост числа бандитских нападений, имущественных и экономических преступлений. В 1924 г., по сравнению с 1922 г., число осужденных выросло в 2 раза (с 1 млн до 2 млн чел.). Руководство страны стало воспринимать деятельность криминального мира такой же серьезной угрозой советской власти, как и контрреволюционные выступления.

Начинает доминировать взгляд на уголовника-профессионала как на деклассированного элемента, люмпен-пролетария, чья деятельность угрожает задачам построения социализма. Поэтому от исправительных мер государство довольно быстро переходит к карательным. В 1920-е гг. упор был сделан, как и в случае с политическими противниками, на внесудебные репрессии со стороны органов государственной безопасности.

17 ноября 1923 г. органам ГПУ было разрешено заключать в концентрационный лагерь сроком до 3 лет содержателей притонов, профессиональных контрабандистов, спекулянтов черной биржи, незарегистрированных посредников в торговле и подрядах, лиц, связанных с преступным миром.

29 марта 1924 г. ОГПУ получило право высылать, ссылать и заключать в концлагерь контрабандистов, валютчиков, спекулянтов золотой монетой, драгметаллами и платиной. Особые совещания ГПУ союзных республик получили также возможность административной высылки в пределах своих республик лиц, подозреваемых в бандитизме, разбоях и грабежах, их пособников и укрывателей, профессиональных игроков, наркоторговцев и нелегальных торговцев спиртным, а также лиц, ранее дважды судимых или имеющих четыре привода за имущественные преступления или посягательства против личности.

9 мая 1924 г. были расширены права ГПУ в борьбе с бандитизмом. В местностях, объявленных неблагополучными по бандитизму, уполномоченным ГПУ предоставлялось право внесудебной расправы с бандитами и их пособниками: высылка, заключение в лагерь на срок до 3 лет и расстрел. В том же году вводилась внесудебная расправа в неурожайных местностях по отношению к хлебным спекулянтам. С 1925 г. начала применяться административная высылка за спекуляцию ширпотребом.

¹⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 279. Л. 3.

В 1926 г. было разрешено во внесудебном порядке применять высшую меру наказания за контрабанду.

В 1925—1926 гг. начинает формироваться система режимных территорий — местностей, где запрещено проживание ранее судимых.

В 1927 г. ОГПУ получило возможность во внесудебном порядке карать лиц, имеющих 3 и более судимости за хулиганство, в 1928 г. — конокрадов, бродяг, нищих и хулиганов в промышленных центрах¹¹.

Ужесточается и отношение к рецидивистам в местах лишения свободы. Создаются изоляторы особого назначения для удаления преступных авторитетов от основной массы заключенных. К 1 января 1929 г. в них было сосредоточено по СССР 37 тыс. чел. элиты воровского мира.

В период коллективизации и индустриализации наблюдалось обострение социальной обстановки, которая была вызвана голодом 1932—1933 гг., массовой миграцией крестьян в города. В начале 1930-х гг. произошел резкий рост преступности: убийств, тяжких телесных повреждений, разбойных нападений, грабежей и т.д.

В конце 1920-х гг. руководство страны, создавая новую систему управления, выбрало путь расформирования органов НКВД всех союзных и автономных республик. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 15 декабря 1930 г. «О ликвидации народных комиссариатов внутренних дел союзных и автономных республик» многочисленные функции НКВД перераспределили между различными управлениями, исполкомами, наркоматами и т.п. Милиция была передана в ведение ОГПУ, что соответствовало общей тенденции развития государства.

Очевидно, что даже на начальном этапе формирования новой системы управления страной органы ГПУ должны были получить единственную в то время структуру, уполномоченную вести оперативно-розыскную работу и имевшую для этого кадровые и технические возможности, т.е. милицию, представлявшую самое многочисленное звено в системе бывшего НКВД. На этом этапе реформирования госаппарата такого рода действия не могли быть широко обследо-

ваны, поэтому постановление ЦИК и СНК СССР от 15 декабря 1930 г. «О руководстве органами ОГПУ деятельностью милиции и уголовного розыска» было секретным¹². На основании этого документа органы ОГПУ получили право не только контроля за деятельностью милиции и уголовного розыска, но и использования в своих целях личного состава и негласной сети милиции и угрозыска, их технико-криминалистических возможностей.

Официально же в союзных и автономных республиках с 1 января 1931 г. управления милиции и уголовного розыска создавались при СНК.

Подчинение милиции ОГПУ, несомненно, позволило улучшить взаимодействие между двумя ведомствами по организации борьбы с преступностью, в том числе и бандитизмом.

В 1933 г. на территории Средне-Волжского края (СВК) действовало 173 бандгрупп с общей численностью 1 032 чел. Руководством управления милиции СВК принимались меры организационного характера, направленные на пресечение бандитизма. В подразделения милиции края был направлен циркуляр Управления РКМ СВК № 84/СС от 17 декабря 1933 г. с требованиями: форсировать работу по ликвидации банд; усилить повседневное агентурное наблюдение за появлением беглых кулаков и сбежавших из мест заключения, и в случаях их появления, немедленно производить изъятие таковых; о каждом случае появления бандгрупп немедленно подробно доносить в краевое управление милиции, указывая характеристику банды, район ее оперирования, численный состав, фамилии, имена, отчества и социальный состав участников, вооружение, средства передвижения и характеристику завербованного по ней специального осведомления, персонально с указанием кличек. В последующем до полной ликвидации, не реже одного раза в декаду, доносить о ходе предпринимаемых агентурно-оперативных мероприятий по ликвидации данной банды, прилагая копии поступающего по ней агентурного материала.

В результате было ликвидировано 117 бандгрупп и задержано 663 участника¹³. Только в июне 1933 г. по Пензенскому оперативному сектору ОГПУ было ликвидировано 35 бандит-

¹¹ Малыгин А. Я. Правоохранительная система периода проведения новой экономической политики // Проблемы развития правоохранительных органов. М., 1994. С. 55—63.

¹² Полиция и милиция России: страницы истории. М., 1995. С. 129.

¹³ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. р-981 Оп. 1. Д. 49. Л. 3—9.

ских шаек, в которые входили 189 чел., задержано 36 преступников, которые действовали отдельно, изъято 29 единиц оружия¹⁴.

В начале 1930-х гг. в противовес принципу законности, исходящему из того, что основанием уголовной ответственности может быть исключительно совершение преступления, а не опасная личность в виде «врагов народа», «кулацко-зажиточных элементов» и т. д., акцент в уголовном законодательстве этого периода был сделан именно на «опасную личность», не совершившую конкретного преступления. На заседаниях судебной тройки при Управлении НКВД дела рассматривались в ускоренном порядке. Например, 14 мая 1935 г. на заседании Тройки по Пензенскому ГРО РКМ УНКВД было рассмотрено 35 дел¹⁵.

За 1-е полугодие 1934 г. сотрудниками милиции г. Пензы изъято и передано в Тройку Пензенского ОГПУ 466 «социально вредных элементов», из которых осуждено было 420 чел.¹⁶

Всего в Куйбышевском крае за 1934 год в качестве «социально вредных» было задержано 5 729 чел. Из них осуждено к высшей мере социальной защиты 39 чел., направлено в концлагерь 4 399, осуждено к другим мерам социальной защиты — 429¹⁷.

Грубо нарушался принцип личной ответственности и вины, когда уголовной (не говоря уже об административной) высылке подвергались лица, не виновные в совершении преступлений других лиц (так называемые ЧСИР — члены семьи изменника Родины).

Наблюдалось отступление от принципа категоризации преступлений и дифференциации ответственности. Посягательства на государственную собственность преследовались без учета тяжести ущерба. Преступления против государственной собственности, против пред-

ставителей власти карались несопоставимо строже, чем преступления против жизни и здоровья граждан. За хищение социалистического имущества суд мог приговорить к расстрелу, а за умышленное убийство — только к 10 годам лишения свободы.

Работа по многим направлениям борьбы с преступностью носила характер «кампанейщины», например, исполнение Закона от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплению общественной (социалистической) собственности». Во все суды РСФСР во исполнение постановления Политбюро от 13 сентября 1932 г. была направлена инструкция и дана форма отчетности о числе осужденных для направления в НКЮ не позже 5-го и 20-го числа каждого месяца. С 15 по 30 сентября 1932 г. по делам о хищении общественного (социалистического) имущества судами РСФСР было осуждено: к высшей мере наказания 437 чел., к 10 годам лишения свободы — 2 362, к прочим мерам — 9 798¹⁸. В первом полугодии 1933 г. в РСФСР было осуждено за хищения общественного и государственного имущества к лишению свободы 69 523 чел., во втором — уже 33 865; это число последовательно снижалось, а во 2-м полугодии 1935 г. — 4 671 чел.¹⁹

Создание единого карательного органа было завершено учреждением 10 июля 1934 г. НКВД СССР. Сильной чертой органов безопасности по сравнению с милицией являлась их жесткая централизация, продуманная структура, сильный кадровый состав, идеологическая направленность деятельности. Однако созданная система использовалась, к сожалению, не только в русле борьбы с реальными внешними и внутренними угрозами, но и в целях укрепления тотального контроля государства над всеми сферами жизни общества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Баранова Н. Б., Куличенко А. Н. Концепция создания и становления региональной милиции: 1917—1927 гг. — Саратов, 2001.
2. Государственная безопасность России : История и современность / под общ. ред. Р. Н. Байгузина. — М., 2004.

¹⁴ ГАПО. Ф. р-981 Оп. 1. Д. 35. Л. 78.

¹⁵ ГАПО. Ф. р-981 Оп. 1. Д. 54. Л. 32—151.

¹⁶ ГАПО. Ф. р-981 Оп. 1. Д. 44. Л. 161.

¹⁷ ГАПО. Ф. р-981 Оп. 1. Д. 53. Л. 113.

¹⁸ ГА РФ Ф. 9474. Оп. 16. Д. 23. Л. 6.

¹⁹ ГА РФ Ф. 9474. Оп. 16. Д. 79. Л. 5.

3. Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии 1917—1921 гг. : сборник документов. — М., 1958.
4. История советской милиции / под ред. Н. А. Щелокова. — М., 1977. — Т. 1.
5. История московской милиции. Становление и развитие органов охраны общественного порядка в Москве с древности до наших дней / ГУВД г. Москвы. — М., 2006.
6. Малигин А. Я. Правоохранительная система периода проведения новой экономической политики // Проблемы развития правоохранительных органов. — М., 1994.
7. Некрасов В. Ф. Проблемы организационного построения и взаимоотношений органов государственной безопасности и органов внутренних дел. // Исторические чтения на Лубянке. 1999 год. Отечественные спецслужбы в 1920—1930-х годах. — М.; Великий Новгород, 2000.
8. Полиция и милиция России: страницы истории. — М., 1995.
9. Политический режим и преступность. Проблемы политической криминологии / под ред. В. Н. Бурлакова, Ю. Н. Волкова, В. П. Сальникова. — СПб., 2001.
10. Утевский Б. Рецидив и профессиональная преступность // Проблемы преступности НКВД. — Вып. 3. — М., 1928.

Материал поступил в редакцию 12 октября 2015 г.

BODIES OF STATE SECURITY AND THE MILITIA IN FIGHT AGAINST CRIME (1917-1934)

KOLEMASOV Vladimir Nikolaevich — Ph.D., Associate Professor at the Penza State University
kolemasov59@gmail.com
440026, Russia, Penza, ul. Krasnaya, d. 40.

Review. *The article analyses the law enforcement activity of law enforcement agencies. It also gives estimates of interaction between state security bodies and the militia in the sphere of ensuring public order and struggle against crime in 1917-1934. The article describes the main forms of interaction, and the effectiveness of such interaction including dealing with certain categories of crimes. The author outlines the main stages of the formation of state security bodies and the process of their activity becoming politically determined.*

Keywords: *People's Commissariat of Home Affairs, All-Russian Extraordinary Commission, State Political Department, Criminal Investigation, public order, public safety, law, Revolution, Civil War, court, revolutionary tribunals, criminal code, crime, punishment, banditry, blackmaketeering, homicide.*

BIBLIOGRAPHY

1. Baranova, N. B., Kulichenko, A. N. The Concept of creation and formation of a regional militia: 1917—1927. Saratov, 2007.
2. State Security of Russia: History and Modernity / Ed. by R.N. Bajguzin. M., 2004.
3. From the History of the All-Russian Extraordinary Commission in 1917—1921: Collection of Documents. M., 1958.
4. The History of the Soviet Militia / Ed. by N. A. Shchelokova. M., 1977. V.1.
5. The History of the Moscow Militia. Formation and Development of Organs of Public Safety in Moscow From Ancient Times to the Present Day / Moscow Central Internal Affairs Directorate. M., 2006.
6. Malygin, A. Y. The Law Enforcement System during the Period of the New Economic Policy // Problems of Development of Law Enforcement Bodies. M., 1994.
7. Nekrasov, V. F. Problems of organizational construction and interrelations between bodies of state security and internal affairs bodies. // Historical readings on Lubyanka. 1999. Domestic Intelligence Services in 1920—1930s. — M.; Velikiy Novgorod, 2000.
8. The Police and Militia in Russia: Pages of history. M., 1995.
9. The Political Regime and Crime. Problems of Political Criminology / Ed. by Burlakov V. N., Volkov Y.N., Salnikov V.P. SPb., 2001.
10. Utevskiy, B. Recidivism and Professional Crime. Problems of the NKVD (the People Commissariat of Internal Affairs) Crime. Issue 3. M., 1928.